

После слов У Цюнянь тетья Ли быстро потянула ее за рукав и бросила выразительный взгляд, напоминая о том, что делать поспешные выводы не стоит. У Цюнянь тут же прикрыла рот рукой, осознав, что сказала лишнее. Ведь если это окажется ложной тревогой, Цин Янь и Цю Хэнянь могут сильно разочароваться.

Тем не менее, на губах тети Ли все равно играла едва заметная улыбка. Она обратилась к Цю Хэняню:

— Далан, отведи Цин Яня обратно в комнату. Здесь на входе ветер, не дай бог простудится.

Цю Хэнянь кивнул и наклонился, чтобы поднять Цин Яня на руки. Тот, все еще ошеломленный словами У Цюнянь, смутился и замешкался, но все же понимал, что на них смотрят. Кроме того, во дворе был Няньшэн. Поэтому он твердо отказался, чтобы его несли.

Пара, перебрасываясь короткими фразами и немного споря, направилась в комнату. Как только дверь за ними закрылась, Цин Янь все-таки оказался на руках у Цю Хэняня, который аккуратно уложил его на кровать.

Цю Хэнянь налил теплой воды и подал ее Цин Яню.

— Как ты? Еще плохо? — мягко спросил он.

Цин Янь, немного задумавшись, покачал головой.

— Уже лучше, как только вырвало.

За окном раздавались грохот петард и вспышки фейерверков, которые освещали ночное небо. Цю Хэнянь мельком посмотрел в сторону окна, затем повернулся к Цин Яню.

— Я сейчас пойду в соседнюю деревню, приглашу старого доктора, чтобы он тебя осмотрел.

Он уже собирался вставать, но Цин Янь схватил его за край одежды:

— Не надо. Наверное, я просто переел всего подряд. Да и у доктора сейчас тоже Новый год, не будем его беспокоить. Если завтра или послезавтра не станет лучше, тогда ходим.

Цю Хэнянь все еще выглядел обеспокоенным. Некоторое время он сидел на краю кровати, наблюдая за Цин Янем, проверил его лоб, заметив лишь легкую бледность. Убедившись, что больше никаких тревожных признаков нет, он сказал:

— Если почувствуешь себя плохо, обязательно скажи мне. Не надо терпеть.

Цин Янь кивнул, заверив его, что все в порядке.

К этому времени гости начали собираться домой. Цю Хэнянь попросил Цин Яня оставаться в постели и сам пошел провожать их. Цин Янь, лежа лицом к стене, слышал обрывки разговоров из соседней комнаты. Тетя Ли что-то говорила Цю Хэняню, напоминая ему не спать слишком крепко этой ночью и прислушиваться к тому, как будет себя чувствовать Цин Янь.

— Если он захочет поесть, разогрей немного каши, но не настаивай, если аппетита нет. Пусть ест, когда захочет, — добавила она.

У Цюнянь, стоявшая рядом, заметила:

— А может, чего-то кисленького? Обычно это легче идет. У меня тогда... — она внезапно замолчала, осознав, что опять проговорилась.

Небольшая фигурка ловко запрыгнула на кровать с пола. Урчащий звук приблизился к лицу Цин Яня. Он открыл глаза, и А-Мяо, заметив, что он обратил на нее внимание, радостно потерлась своей пушистой головкой о его лицо. Цин Янь поднял руку и нежно погладил ее маленькую головку.

Спустя некоторое время дверь снова скрипнула, и Цю Хэнянь вошел внутрь. Цин Янь поспешно закрыл глаза, притворившись спящим. Он услышал, как на стол поставили поднос, и в воздухе распространился аромат еды. Шаги остановились у края кровати; он почувствовал, что кто-то стоит рядом и смотрит на него. Затем маленькую полосатую кошку, которая терлась около его лица, подняли, а одеяло было подтянуто и аккуратно укрыто на нем.

Все это время Цин Янь изо всех сил старался поддерживать ровное дыхание.

Он услышал, как Цю Хэнянь снова взял поднос и вынес его; из внешней комнаты донеслись тихие звуки. Затем тот вернулся, быстро умылся и тоже лег в постель.

Когда масляная лампа погасла, Цин Янь почувствовал, что Цю Хэнянь лег позади него, собираясь спать. Он слегка расслабился, когда большая рука протянулась к нему. Цин Янь подумал, что тот собирается, как обычно, обнять его за талию; они с Цю Хэнянем уже привыкли спать в такой позе.

Однако эта рука на этот раз не легла тяжело на его бок, как обычно, а осторожно обогнула его талию и, положив ладонь на его низ живота, нежно погладила это место сквозь тонкую ткань одежды. Теплый поцелуй коснулся уха Цин Яня, и только тогда эта рука аккуратно вернулась обратно. Цю Хэнянь позади него наконец улегся спать.

Только тогда ресницы Цин Яня слегка дрогнули, а дыхание на мгновение сбилось.

Он знал, что трогал Цю Хэнянь.

С тех пор как его вырвало, на лице Цю Хэняня была лишь тревога; он не выказывал никаких ожиданий. Реакция тети Ли и У Цюнянь была уже достаточно явной; невозможно, чтобы Цю Хэнянь не понимал, что это может означать. Тем более что как раз перед Новым годом Цин Янь находился в благоприятном периоде для зачатия; только они двое знали, что в те дни постельное белье дома часто оказывалось влажным.

Если посчитать дни, очень возможно, что это случилось в тот раз перед походом в горы.

Цю Хэнянь наверняка все это понимал; хотя он ничего не сказал и не выказал особых эмоций, но, думая, что Цин Янь уже спит, все же проявил свои внутренние надежды.

В темноте Цин Янь прикусил губу, его мысли были запутанными и тяжелыми.

Он говорил себе, что все будет идти своим чередом, и уже морально подготовился к тому, что может забеременеть. Но когда этот момент, казалось, действительно наступил, в сердце поселилась тревога.

Мысль о том, чтобы стать «беременным гермом», казалась непривычной и пугающей. Он боялся предстоящих перемен, того, как будет проходить роды, о которых у него не было никакого представления, и больше всего — своей способности стать хорошим родителем.

Поздно ночью Цин Янь снова поднялся с постели, чтобы вырвать. На этот раз желудок был пуст, и его вырвало лишь горькой желчью. Цю Хэнянь тут же разогрел для него кашу, но Цин Янь так и не смог проглотить ни ложки. После этого его, наконец, сморило, и он уснул.

Утром, проснувшись, он заметил, что глаза Цю Хэняня покраснели от усталости. Тот, казалось, не смыкал глаз всю ночь, сидя рядом с ним. Цин Янь осторожно коснулся его век. Цю Хэнянь опустил голову, прикрыл глаза, позволив ему провести рукой. Хотя его лицо выражало усталость, а прикосновения могли быть не слишком приятными, он принимал их без возражений. Цин Янь смотрел на него, чувствуя, как что-то в его сердце продолжало углубляться и смягчаться. Какими бы ни были его страхи и сомнения, рядом всегда будет Цю Хэнянь. Это не его битва в одиночку.

Его тревога улеглась. Он вдруг почувствовал голод и, убрав руку, сказал:

— Я хочу каши. И хочу твоих соленых овощей.

Цю Хэнянь, услышав эти слова, впервые за долгое время слегка расслабился и улыбнулся:

— Подожди немного. Я замочу овощи, чтобы убрать кислоту, а потом принесу мясо из снежного сугроба, разморожу и приготовлю.

— Не надо ни замачивать, ни готовить, — прервал его Цин Янь, опустив голову. — Я хочу есть их прямо так, как есть.

Цю Хэнянь удивленно посмотрел на него. Цин Янь, слегка смущенный, пробормотал:

— Я просто хочу чего-то кисленького.

Руки Цю Хэняня, лежавшие на коленях, внезапно сжались в кулаки.

□□.....

Хотя аппетит появился, съел он немного: полчашки каши и несколько кусочков соленых овощей. Но, к счастью, на этот раз его не вырвало.

Однако нельзя было кормить его только соленым, и Цю Хэнянь отправился к тете Ли за советом. Услышав его, ее глаза засияли от радости. Она так обрадовалась, что даже принесла ему весь запас кислых плодов тамаринда, которые дочь прислала ей.

Позже она сама пришла проверить, как чувствует себя Цин Янь, одаривая его вниманием и наставлениями, как будто боялась, что с ним что-то случится.

Никто ничего не говорил прямо, но радость в глазах тети Ли было невозможно скрыть.

Цин Янь, лежа на кровати, слышал обрывки разговоров из соседней комнаты. Незаметно для самого себя он улыбнулся, чувствуя теплую волну радости, разливающуюся внутри.

Ребенок, который был бы похож на него и Цю Хэняня... Как бы ни старался Цин Янь представить себе такого ребенка, у него ничего не получалось. Однако он надеялся, что у него будут такие же спокойные, как озерная гладь, красивые глаза, как у Цю Хэняня.

...

В последующие два дня Цин Янь стал все сильнее страдать от тошноты. Он не мог даже глотка воды сделать, не говоря уж о том, чтобы что-то съесть. Он и так был не полным, а за несколько дней лицо его осунулось настолько, что подбородок заострился.

Цю Хэнянь больше не мог этого выносить. Он позвал тетю Ли, чтобы та присмотрела за домом, а сам взял тележку и отправился в соседнюю деревню за старым доктором.

Эта поездка заняла у него немало усилий: доктор уехал в город навестить родственников. Цю Хэнянь нашел его в доме этих родственников и буквально вытащил его оттуда.

К счастью, старый доктор оказался человеком добросердечным, носил с собой короб с лекарствами и даже не стал спорить с Цю Хэнянем. Не успев допить вино, он вытер рот рукой и сразу пошел с ним.

Когда они вернулись домой, тетя Ли уже несколько раз выходила к воротам, выглядывая их. Завидев Цю Хэняня, она взволнованно сказала:

— С тех пор, как ты ушел, он ничего не смог съесть, снова вырвало трижды, а в последний раз присмотрелась — как будто с кровяными прожилками!□

Услышав это, Цю Хэнянь застыл на месте, а затем бросился к двери дома.

Старый доктор окликнул его:

— Эй, чего ты бежишь так быстро? Без меня ты сам его лечить собрался?

Тетя Ли поспешила поддержать старика и помочь ему пройти.

— Далан, видно, совсем с ума сходит от переживаний, — извинилась она. — Давайте, я помогу вам войти.

Перед тем как войти в дом, тетя Ли, полная беспокойства, тихо спросила старого лекаря:

— От беременности бывает так плохо?

Доктор задумчиво ответил:

— Бывает и хуже.

Слова старика немного успокоили ее. Поддерживая его, она помогла ему войти в дом.

Внутренний покой. Над кроватью занавеси были приподняты и закреплены по обе стороны. Цин Янь лежал на кровати в белом нижнем халате, поверх которого был накинут серый халат. Это еще сильнее подчеркивало его бледность. Он полусидел, облокотившись на Цю Хэняня, опустив веки. Его тело выглядело совсем хрупким, грудь едва заметно поднималась и опускалась. Его безжизненная рука лежала на кровати, удерживаемая в большой руке мужчины.

Цю Хэнянь, склонив голову, смотрел на Цин Яня. Лишь когда тетя Ли ввела старого лекаря в комнату, он отвел взгляд и поднял глаза.

Тетя Ли встретилась с ним взглядом. Увидев выражение его лица, ее сердце сжалось: если с Цин Янем что-то случится, далан может пойти на что-то ужасное.

Она поспешила поставить стулу у кровати для старика. Доктор уселся, положил пальцы на запястье Цин Яня, подождал, затем осмотрел его глаза и язык. После этого он расспросил общее состояние здоровья и последние приемы пищи. Когда все было закончено, старик тяжело вздохнул:

— Пульс тонкий, как нить, не наполненный и не скользящий.

Тетя Ли не поняла и спросила:

— Что это значит?

Старый лекарь покачал головой и сказал:

— Этот гер... У него не беременность, а истощение.

Как только он это произнес, тетя Ли застыла в замешательстве, обернувшись к Цю Хэняню. Тот тоже слегка остолбенел, но вскоре с облегчением выдохнул, и красные прожилки в белках его глаз начали исчезать.

Цин Янь, хотя и был слаб, тоже услышал эти слова. Однако он никак не отреагировал, лишь пальцы его руки, лежавшей на краю кровати, слегка шевельнулись.

С детства Цин Янь часто ел нерегулярно, из-за чего его селезенка и желудок стали слабее, чем у других. В этот Новый год в доме купили замороженные груши и хурму. Цин Янь, наслаждаясь их освежающим вкусом, съел их слишком много. А еще из-за множества разнообразной еды на празднике его желудок не выдержал и в итоге его рвало два-три дня.

Желание есть кислое было просто попыткой облегчить дискомфорт, ведь кислое пробуждает аппетит.

Старый лекарь прописал ему лекарство и сделал иглоукалывание. Рвота вскоре прекратилась.

Цю Хэнянь проводил старика обратно.

Тетя Ли осталась в доме с Цин Янем. Держа его за руку, она мягко утешала:

— Главное, что со здоровьем все в порядке. Вы еще молоды, не стоит торопиться. Дети у вас обязательно будут.

Цин Янь, опираясь на подушку, слабо улыбнулся ей:

— Тетушка, со мной все в порядке.

Когда Цю Хэнянь вернулся из города, было уже темно.

Тетя Ли сварила им большую кастрюлю лапши и отправилась домой. Цю Хэнянь придвинул стол к кровати. Они вдвоем, сидя на краю кровати, ели лапшу с бульоном.

Внезапно Цин Янь поставил свою чашку на стол. Цю Хэнянь обернулся и увидел, что бледное лицо Цин Яня залито слезами. Он беззвучно плакал.

Цю Хэнянь сразу отложил свою чашку, поднялся, взял тканевую салфетку и, вернувшись, сел рядом с ним, обнял его за плечи и начал вытирать слезы.

— Что случилось? — тихо спросил он, — Тебе все еще плохо?

Цин Янь покачал головой. Он обвил шею Цю Хэняня руками, уткнулся лицом ему в шею и сквозь рыдания прошептал:

— Я зря обрадовал тебя...

Услышав это, Цю Хэнянь на миг застыл, а затем с легкой улыбкой сказал:

— Это не так...

Но Цин Янь схватил его руку и потянул ее к себе под нижнюю одежду, говоря:

— Давай сейчас, ребенок появится очень быстро.

— Цин Янь... — Цю Хэнянь попытался отвести руку, но Цин Янь не позволял ему этого сделать. После короткой борьбы Цю Хэнянь крепко обнял его, удерживая, чтобы он не двигался.

— Цин Янь, послушай меня, — мягко сказал он. — Раньше я говорил, что хочу ребенка, но я никогда не был одержим этой мыслью. Сегодня же, особенно после твоего состояния, я настоял на том, чтобы позвать доктора, потому что чувствовал, что что-то не так. Теперь я только рад, что это не оказалось серьезной болезнью. Если бы это было что-то серьезное, я бы...

Он не закончил фразу, лишь сделал глубокий вдох, и его кадык слегка дернулся.

Цин Янь поднял на него глаза, слезы продолжали катиться. Он разрыдался еще сильнее:

— Но... но я думал, что это правда... Раньше я не хотел ребенка, а теперь... теперь мне так тяжело. Это потому, что я всегда отвергал эту мысль? Поэтому он не пришел? — всхлипывая, сказал он. — Хэнянь, я хочу ребенка.

Цю Хэнянь усадил его к себе на колени и обнял, нежно поглаживая по спине. Сжимая в своих объятиях Цин Яня, он чувствовал, как сильно болит его сердце за этого чистосердечного и настойчивого человека.

<http://bllate.org/book/13590/1205225>